

PHILOLOGICAL FIELD/ ФИЛОЛОГИЯЛЫҚ БАҒЫТ/
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Turkic languages/ Түркі тілдері/ Тюркские языки

Article

Словообразование и словоизменение несубстантивных лексико-грамматических классов в древнетюркском языке

М. Дубровина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
(E-mail: maggydu@rambler.ru)

ARTICLE INFO

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:
рунические
тексты, язык
древнетюркских
рунических
памятников,
морфология
тюркских
языков, имена
прилагательные,
наречия,
числительные,
словообразование,
словоизменение.

В предлагаемой статье автор обращается к материалу первого письменного языка тюрков – языку древнетюркских рунических надписей. Памятники относятся к периоду VI-IX вв. и представляют собой тексты, выбитые на каменных поверхностях специфическими руническими знаками. Учеными доказано, что этот язык не соотносится с каким-либо из современных тюркских языков, однако представляет собой смешанный вариант литературного языка (койне), который включает в себя как огузские элементы, так и некоторые значимые элементы языков кыпчакской и карлукской групп. Язык рунических надписей привлекателен для лингвистов со многих точек зрения, но в сферу интереса настоящего исследования попадает морфология таких частей речи, информацию о которых нечасто можно встретить в специальной тюркологической литературе – именах прилагательных, наречиях и именах числительных. В результате тщательного анализа удается прийти к заключению, что, несмотря на древность исследуемого языка, в нем уже обнаруживается довольно развитая система словообразовательных форм этих несубстантивных категорий: имена прилагательные способны образовываться с помощью нескольких форм, наречия имеют, по меньшей мере, две словообразовательные формы. Сфера словоизменения (формообразования) также начинает возникать, в языке этого периода она затрагивает, прежде всего, имена числительные, которые имеют порядковую и собирательную форму. Последние формы автором относятся к области словоизменения, а не словообразования по причине того, что вновь образованные формы числительных не меняют своего исходного лексического значения, продолжая выражать конкретные количества.

MPHTI 16.21.45

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-4-72-89>

Received 1 November 2024. Revised 13 November 2024. Accepted 19 November 2024. Available online 29 December 2024.

Для цитирования: М. Дубровина Словообразование и словоизменение несубстантивных лексико-грамматических классов в древнетюркском языке // Turkic Studies Journal. 2024. Т. 6. №4. С. 72-89. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-4-72-89>

For citation: M. Dubrovina Word formation and inflection of non-substantive lexicogrammatical classes in the ancient Turkic language // Turkic Studies Journal. 2024. Vol. 6. No4. P. 72-89. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2024-4-72-89>

Введение

Предлагаемая работа посвящена описанию словообразования и формоизменения всех именных частей речи языка древнетюркских рунических надписей (далее язык ДТРП), за исключением имени существительного. Вследствие этого, оправдано говорить о том, что в ходе работы рассмотрению подвергается морфолого-деривационный механизм несубстантивных частей речи, т.е. прилагательных, наречий, числительных и местоимений, зафиксированных в текстах VI-IX вв., составленных рунической письменностью.

Материалы и методы

Актуальность данного исследования трудно переоценить. Первые письменные памятники древних тюрков представляют собой один из наиболее важных источников для исторических, культурологических, лингвистических и других научных изысканий, поскольку тексты содержат хронологически самую раннюю информацию о таких аспектах жизни тюрков, как государственное устройство, религиозные верования, военные походы, детали бытового обихода, взаимоотношения с соседними племенами. Благодаря им ученые имеют возможность узнать, как выглядел язык того времени. Многие современные народы видят в этих рунических надписях достояние, относящееся к их истории и языку, воспринимаются ими как самые древние отпечатки именно их письменной культуры.

Язык древнетюркских рунических памятников (далее ДТРП) относится ко всем тем произведениям древних тюрков, которые были выбиты преимущественно на камнях особым типом письма, названного руническим, и обнаруженные в Южной Сибири, в Монголии, на территории современного Кыргызстана и Казахстана. Памятники традиционно разделяются на Орхонские и Енисейские. Орхонскими эти памятники называют по причине того, что они были найдены на территории Северной Монголии, по берегам рек: Орхон, Тола и Селенга. Енисейскими называют те, которые были обнаружены по берегам реки Енисей. Они создавались в течение двух столетий с конца VII до середины IX веков нашей эры (Кляшторный, 1971: 256-257). Наиболее ранним датированным текстом рунического письма на сегодняшний момент признана Чойрэнская надпись, относящаяся к 688-691 гг., к наиболее поздним крупным текстам, написанным руникой, можно отнести «Гадательную книгу», дата которой приблизительно определяется 933 г. (Кляшторный, 2006: 187). К Орхонским памятникам ДТРП относят: Онгинскую надпись, памятник в честь Кюль-Тегина, памятник в честь Бильге-Кагана, памятник Тоньюкука, памятник Кули-чур, Селенгинский памятник, Суджинскую надпись и др. Рунические памятники в честь Кюль тегина и Могилян хана, а также Памятник Тоньюкуку были открыты в конце XIX в. После удачной дешифровки этих надписей, осуществленной В. Томсеном в 1893 г., тюркологи получили возможность

исследовать фонологический, морфологический и синтаксический аспекты самого раннего тюркского языка (Tekin, 1988: 5-11).

Несмотря на то, что почти все современные тюркские народы возводят свой тюркский язык к языку рунических надписей, ученые, среди которых А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев, И.В. Кормушин и многие другие, склоняются к мнению, что язык крупных орхонских памятников представляет собой смешанный вариант литературного языка, основанный на огузских и уйгурских диалектах – литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера (Кормушин, 2020: 28).

Степень изученности темы

Язык рунических памятников с момента их дешифровки подвергался лингвистическому анализу в работах В.В. Радлова, А. Габен, Т. Текина, В.Г. Кондратьева, А.Н. Кононова (Кононов, 1980: 4-5). Одной из последних монографий, посвященных полному описанию языка всех древнетюркских памятников, в которые включены, помимо рунических надписей, также древнеуйгурские и первые арабографичные, принадлежит перу М. Эрдала (Erdal, 2004). Тем не менее, во всех этих трудах грамматике собственно прилагательных, наречий и числительных языка рунических надписей было уделено недостаточное внимание. Кроме того, необходимо отметить, что в последние годы ученые-языковеды, в принципе, крайне редко стали касаться тем, связанных с анализом словообразовательного и словоизменительного механизмов языка этих памятников. В сферу интереса ученых входят, в основном, вопросы фонологического или лексикологического характера. Кроме того, тюркологи с интересом погружаются в изучение синтаксического устройства этого языка, в том числе и сам автор не раз затрагивал данную тему (Дубровина и др., 2017; Камалова, 2023).

Анализ

На основании фактического материала с учетом объективных трудностей, связанных с их тематической спецификой и небольшим количеством, в языке рунических памятников удастся выделить следующие классы несубстантивных именных лексем:

имена прилагательные: turuk ‘тощий’, silik ‘чистый, красивый’, ulug ‘великий’, añug ‘злой, плохой’;

наречия: käreü ‘назад’, asra ‘внизу, низ’, ädgüti ‘хорошенько’;

имена числительные: bir ‘один’, on ‘десять’;

местоимения: öz ‘сам’, siz ‘вы’, kim ‘кто’, kántu ‘сам’,

Однако по причине особой значимости местоимений в любом языке, в данной статье эта часть речи рассматриваться не будет, так как этой теме необходимо посвятить отдельное исследование.

Имена прилагательные как несубстантивный класс слов

В научной тюркологической литературе не раз подвергали сомнению существование в тюркском языке категории прилагательных как отдельной, самостоятельной части речи. По словам А.М. Щербака, отсутствие особых морфологических показателей у древних прилагательных вызывает определенные сомнения и в наличии самого «лексико-грамматического разряда этих имен» (Щербак, 1977: 108). Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева с сожалением констатируют, что подобный взгляд отражает широко распространенную среди лингвистов точку зрения: если нет морфологических показателей, следовательно, нет соответствующего разряда слов (Серебренников, Гаджиева, 1986: 110). По мнению же этих ученых, прилагательные существуют во всех языках мира в качестве «лексико-функционального разряда» лексем, основанного на «выделении в человеческом сознании свойств и признаков предметов» (Серебренников, Гаджиева, 1986: 110).

Но помимо морфологического критерия, для распространенного убеждения об отсутствии отдельного класса прилагательных имеются и другие достаточно веские основания. Дело в том, что в тюркских языках в качестве приименного определения зачастую употребляются существительные (тур. *tahta yatak* ‘деревянная кровать’, *taş duvar* ‘каменный дом’, *arka vagon* ‘задний вагон’, *üst dal* ‘верхняя ветка’), и в этом случае словно бы невозможно отличить прилагательные от существительных. Однако наиболее перспективным способом разграничения этих слов в подобных случаях является попытка употребить их в предикативной позиции, т.е. составить высказывания типа: чашка стеклянная, стул деревянный, рубашка хлопковая. В результате оказывается, что слово сохраняет свое частеречное значение: существительное сохраняет значение предмета, материала, а прилагательное – признака. Несмотря на то, что носитель турецкого языка без осложнений для коммуникации скажет *cam bardak* ‘стеклянный стакан’, сказать *bardak cam* ‘стакан стеклянный’ он не сможет. Так как *cam* остается лексемой, имеющей значение ‘стекло’, т.е. являющейся именем существительным, и не способной в предикативной позиции предавать признак. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в системе языка такая лексема, безусловно, входит в класс существительных, а не прилагательных. Другими словами, одной из структурных особенностей класса прилагательных является способность выступать в высказывании не только в функции определения, но и в качестве сказуемого, сохраняя при этом свое знаменательное значение *признака*. Однако в языке ДТРП, в отличие от более поздних тюркских языков, прилагательное еще не может употребляться изолированно, становясь самостоятельным сказуемым. Устройство изучаемого языка таково, что прилагательные в рунических текстах способны входить в составное именное сказуемое, образованное посредством глагола *är-* ‘быть’:

Budun bogzy tok ärti (Тк, 8). ‘Народ был сыт’.

Таким образом, в связи с тем, что язык ДТРП имеет еще слабо развитую (по сравнению с современным турецким языком) морфологию, выделение класса прилагательных

лексем в языке ДТРП должно, прежде всего, опираться на семантический критерий – это лексемы, объединяемые классифицирующим значением *признака*.

Тюркские прилагательные, как уже неоднократно отмечалось разными исследователями, обладают характерной чертой, отличающей их, например, от русских прилагательных: они способны сочетаться как с существительными, так и с глаголами (Гузев, 1987: 51). Это обстоятельство позволяет предположить, что классифицирующим грамматическим значением прилагательных является обозначение *любого свойства, признака*, независимо от того, относится ли этот признак к предмету или к действию. В соответствии с убеждениями автора, это положение отнюдь не исключает формирования самостоятельного класса наречий в языке ДТРП, однако, исходя из морфологических признаков, различие между прилагательными и наречиями (качественными) может заключаться в наличии у последних определенного набора словообразовательных форм: **прил. katyg** ‘твердый, крепкий’ – **нареч. katygdy** ‘твердо, крепко, хорошо, внимательно’.

Словообразование. Форма с показателем -lyg

При присоединении показателя **-lyg** к основе существительного образуется новая лексема, новое прилагательное со значением признака, заключающегося в обладании того предмета, который был выражен основой исходного существительного.

Kü + lig kagan (Ktb, 4) ‘славный каган’; **Küç + lig kagan (Tk, 20)** ‘сильный каган’; **kagan + lyg bodun (Ktb, 9)** ‘народ, имеющий кагана’; **Tabgaç at + lyg ssi (Mh, 1)** ‘конное войско табгачей’; **il + lig bodun (Ktb, 9)** ‘народ, имеющий племенной союз’.

Как известно, форма с рассматриваемым показателем встречается практически во всех тюркских языках и представляет собой весьма удобное средство для образования новых лексем с самыми разнообразными значениями (Севортян, 1966). Круг действия этой формы не ограничивается образованием имен прилагательных, она более употребительна для образования существительных лексем.

Автор работы склоняется к тому предположению, что возможность образования в рунических текстах посредством аффикса **-lyg** прилагательных с указанным значением в действительности является лишь одной из потенциальных возможностей этой формы, т.е. может быть охарактеризована как один из *частных смыслов* формы **-lyg**. *Языковым же значением* этой формы, очевидно, будет сигнал о каком-то самом обобщенном отнесении значения того явления (предмета или признака), которое означает новая лексема, к значению исходной лексемы. Интерпретация новой лексемы с показателем **-lyg** происходит коммуникантом в опоре на контекст всей сообщаемой информации, что позволяет новообразованному слову в речи выступать либо в качестве номинации какого-либо признака, либо названия предмета. Так, например, в азербайджанском языке с помощью рассматриваемого показателя образуются такие прилагательные, как **гышлыг** ‘зимний’, однако в языке имеется и аналогичное существительное со значением ‘то, что припасено, заготовлено на зиму’ (Севортян, 1966: 47). То же самое происходит со словами **гаранлык** ‘темный’ и **гаранлык** ‘темнота’ и бесспорно со многими другими по разным тюркским языкам:

eki ülügi atlyg ärti ...(Тк, 4). *‘Две части из них были всадниками (или лошадными, с лошадьми)...’.*

...tabgaç budun täbligün kürlüg üçün...(Ктб, 6). *‘...из-за обманщиков и лжецов народа табгач.’* Возможен такой перевод: из-за того, что коварные [люди] народа табгач были лживы.

Слова täblig (см. также tevlük, tevlüg, tevlüg) и kürlüg являются парными словами, образованными посредством аффикса –lüg от парных существительных tev kür ‘коварство, обман’ (ДтС, 557). Перевод этих слов зависит от контекста, но может соответствовать как существительному ‘обманщик, хитрец’, так и прилагательному ‘лживый, хитрый’ (ДтС, 546).

Высказанное предположение базируется не только на фактическом материале различных тюркских языков, оно опирается на мнения ученых, сформулированные ими в XIX-XX вв. Еще В.В. Радлов отстаивал тезис о том, что показатель -лыг служил для образования не только прилагательных, но и существительных (Севортян, 1963: 61). Ученый был убежден, что поскольку в орхон-енисейских рунических надписях «каждое прилагательное может применяться и как существительное, то очень трудно привести строгое доказательство относительно собственного значения слов на -лыг и -lig» (Севортян, 1963: 61). Несмотря на возникшие в то время возражения, как пишет Э.В. Севортян: «...взгляд В.В. Радлова ...выдержал испытание временем, и последующее изучение древнетюркских памятников вновь подтвердило, что форме -лыг было свойственно и значение существительного» (Севортян, 1966: 54).

По мнению Э.В. Севортяна, сосуществование значения предмета и признака в одной именной форме вполне законно и с общетюркологической точки зрения, ведь общеизвестно, что почти все словообразовательные формы имен исторически, а во многих случаях и в современном своем состоянии означают как предметы, так и признаки (Севортян, 1966: 54).

Türk kara kamug budun anča timis illig budun ärtim...(Ктб, 9) *‘Тюркский простой народ весь сказал так: «Я был народом с племенным союзом»...’.*

Kaganlyg budun ärtim ...tir ärmis (Ктб, 9). *‘«Я был народом с каганом (с ханом)», – говорил он’.*

В приведенных выше примерах слова с показателем, бесспорно, являются прилагательными, означая признак предмета. Однако в тексте встречаются высказывания, в которых аналогичные слова субстантивируются и выражают предмет, который является носителем названного признака:

Täñri jarlykaduk üçün illig ilsirätmis kaganlygyg kagansyratmys. (Ктб,15). *‘Из-за того, что Небо (Бог) соизволило, он лишил племенного союза тех, у кого он племенной союз, и лишил кагана тех, у кого был каган.’* В этом примере слова употреблены в субстантивированном виде и наделены аффиксами винительного падежа.

Подобное обстоятельство хорошо согласуется со сформулированным профессором Г.П. Мельниковым (1928-2000) принципом, лежащим в основе всего строя тюркских

языков, заключающимся в стремлении к экономному использованию служебных показателей (Мельников, 2003: 339).

Согласно разработанной теории Г.П. Мельникова, перед носителем тюркского языка стоит задача передать содержание мысли с использованием минимального набора лексических и грамматических средств – стремление к экономии в речи служебных знаков (Мельников, 1969: 107). При таком положении, по нашему мнению, в языке увеличивается число словообразовательных форм, так как именно словообразовательные морфемы приводят к сокращению в высказывании слов, которые были бы в противном случае необходимы для передачи смысла так называемым описательным путем.

Но, как показывает фактический материал исследуемого языка, при внешней развитости словообразовательных форм в тюркских языках значения этих форм зачастую полифункциональны, т.е. одна словообразовательная морфема может иметь несколько значений. Так как полифункциональность языковых значений позволяет обходиться малым числом (инвентарем) форм для выражения всего необходимого многообразия смыслов в речи. Автор настоящей работы полагает, что полифункциональность морфологических средств тюркских языков (и лексеообразовательных, и словоизменительных) является обязательным следствием принципа экономного использования служебных показателей. Другое следствие этого же принципа, заключающееся в факультативности аффиксов внутри словоформы, имеет место, очевидно, только в сфере словоизменения и не проявляет себя в лексеообразовании.

Форма с показателем -syz

С помощью аффикса -syz в текстах рунической письменности образуются прилагательные со значением свойства, сутью которого является отсутствие у определяемого предмета того, что заложено в значении исходного существительного.

Biligsiz kagan (Ktb, 5) *‘неразумный (не имеющий знания) каган’;*

tonsyz jabyz jablak bodun (Ktb, 26) *‘жалкий и низкий народ, не имеющий одежды’.*

Äkin ara idi oksyz kök türk anča olurur ärmis (Ktb,3). *‘Между двумя (границами) так проживал народ «голубых тюрок», который был без хозяина.’*

On ok buduny kalysyz tasykmis tir (Tk, 30). *‘Народ племени десяти стрел отправился в поход без остатка, говорит он.’*

Слова с показателем -syz так же, как и другие качественные прилагательные в тюркских языках, способны обозначать признак действия:

Kümüš kargäksiz kälürti (Ktb, 52). *‘Он доставлял серебро без счета’.*

On ok buduny kalysyz tasykmis tir (Tk, 30). *‘Народ племени десяти стрел отправился в поход без остатка, говорит он’.* (Kal- ‘оставаться, сохраняться, быть в остатке’ (ДтС, 1969:410)

Äçümiz apamyz tutmys jyr sub idisiz bolmazun tijin ... (Ktb, 19). *‘Говоря, пусть не будет без хозяина (лишенной хозяина) территории (земля вода), которые держали наши предки...’.*

Kögmän jir sub idisiz kalmazun tijin (Ktb, 20). *‘Говоря, пусть Кёгменская территория (земля вода) не останется без хозяина’.*

Пример иллюстрирует приведенный выше тезис о том, что прилагательные способны сочетаться как с именами существительными, так и с глаголами.

Форма с показателем -ly

Нередко считается, что показатели -лы и -лыг являются вариантами одной формы (Севортян, 1966: 54). Это утверждение обусловлено тем, что в разных тюркских языках схожая семантика передается либо формой с показателем -лыг, либо формой с показателем -лы (Кононов, 1980 : 105).

Bägläri boduny tüzsüz üçün tabgaç budun täbligün kürlüg üçün armakçysyn üçün inili äçili kiñäsürtükün üçün bägli bodunlyg joñaşurtukyn üçün türk budun illädük ilin yçgynu ydmys... (Ktb, 6). *‘Из-за того, что их правители и народ были неверны, из-за обманщиков и лжецов народа табгач, из-за их плутов, из-за того, что они ссорили младших братьев со старшими братьями, из-за того, что они заставляли клеветать друг на друга беков и народ (настраивали друг против друга), тюркский народ окончательно привел в расстройство свой племенной союз...’.*

... önüg jog(ga)ru sü joryp tünli künli jiti ödüškä subsyz kächdim ... (Mh, X II). *‘... к похоронам идя с войском семь суток и днем и ночью (с днем и с ночью семь суток), я прошел безводную (пустыню)...’.*

По результатам анализа рунических текстов складывается впечатление, что слова с показателем -ly едва ли возможно причислять к прилагательным. Во-первых, налицо имеется весьма скудный материал, на основании которого крайне затруднительно определить функционирование рассматриваемых форм и их место в грамматической системе языка. Во-вторых, имеющиеся примеры употребления форм -ly имеют парный характер, всегда соотносят два существительных как равных участников, причастных к какому-то действию или явлению. Можно вспомнить, что в современном турецком языке существует словообразовательный аффикс -li, который образует прилагательные со значением «с чем-то», например: balkonlu ev ‘дом с балконом’ şekerli çay ‘чай с сахаром’ uzun saçlı kız ‘девочка с длинными волосами’. Возможно предположить, что это родственные формы, однако немногочисленные примеры в древнем языке показывают, что новые образования употреблялись в парном виде и интерпретировались приблизительно как ‘и тот, и тот’, ‘и с тем, и с тем’.

А.Н. Кононов, исследуя древнетюркские прилагательные, писал о том, что среди них есть те, которые образованы от глагольных основ (Кононов, 1980: 109-110).

aryu (T 37) ‘чистый’ от aru- ‘быть чистым’.

turuq (Ktb 39) ‘тощий’ от tur- ‘тощать, худеть’.

uluu (Ktb 34) ‘великий, большой’ от ul + a- ‘связывать, присоединять’.

kärgäk (Ktb 50) ‘необходимый’ от kärgä- ‘подходить, соответствовать’.

Однако относительно прилагательных с показателями *-syg/-čyg*, *-k*, о которых упоминает ученый, возникают некоторые сомнения. Возможно, в диахронии языка существовал период, когда эти формы активно употреблялись для образования новых прилагательных. Тем не менее, анализ рунических памятников не дал оснований вносить эти показатели в список продуктивных словообразовательных средств. Очевидно, эти формы либо уже не осознавались носителями языка в качестве «живых», либо просто не были отражены в текстах памятников.

Форма с показателем *-nč*

Türk budun jämä bulganč (ol timis) Oguzy jämä tarkanč ol timis (Tk, 22). *‘Тюркский народ находится в смятении, [сказал он], а его огузы же находятся в рассеянии?’*

Слова *bulganč* и *tarkanč* имеют неясную словообразовательную природу. Как становится понятным благодаря древнетюркскому словарю, слова *bulganč* и *tarkanč* встречаются только один раз в тексте «Памятник в честь Тоньюкука». Представляется абсолютно бесспорным, что эти слова образовались от глаголов с соответствующими значениями (*bulga-* ‘смешивать, перемешивать, мутить, возбуждать недовольство, сеять смуту, досаждать, обижать’ (ДтС, 1969: 122); *bulgan-* ‘находиться в недовольстве, в смятении, опечалиться’; *tarkan-* ‘рассеиваться, разбредаться’ (ДтС, 1969: 538)).

Естественно, что на основании одного примера практически невозможно делать какие-либо выводы, тем не менее, в качестве гипотезы можно предложить рассматривать эти формы как формы отглагольных прилагательных, что, исходя из контекста, более оправдано, чем рассмотрение этих слов как существительных.

Словоизменение. В современных тюркских языках прослеживается достаточно стройная и последовательная система словоизменительных категорий прилагательных, в число которых входят формы субъективной оценки (Гузев, 1987: 102), «формы интенсификации» (Дмитриев, 1960: 46), формы степеней сравнения. Однако весьма скудный объем рунических текстов не позволяет сделать вывод о наличии этих категорий в системе исследуемого языка.

Очевидно, слабая грамматикализация прилагательных обусловлена всем строем этого архаичного языка, который находился лишь в процессе постепенного наращивания морфологических способов передачи служебной информации. Принцип экономии служебных элементов (Мельников, 2003: 339), лежащий в основе устройства языка ДТРП, подталкивал носителей к тому, чтобы обходиться без грамматических форм, любую же информацию стремиться выразить лексически, описательно. Таким образом, стиль изложения памятников, носящий несколько корневой характер, тяготеет к тому, чтобы любые смыслы, затрагивающие какие-либо отличия в признаках предметов, их меры и степени, выражать с помощью самостоятельных слов или описательных приемов.

...čygan budunyg bay kyltym, az budunyg üküš kyltym (Ktm, 10) *‘неимущий народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным’.* В данном примере используются прилагательные *čygan* ‘бедный’ - *bay* ‘богатый’, *az* ‘малочисленный’ - *üküš*

‘многочисленный’, имеющие противоположные значения, чтобы показать различия в степени признака из разряда «меньше-больше».

Наречие в древнетюркском языке

Бесспорно то утверждение, согласно которому категорию наречий диахронически наполняли лексемы, крайне неоднородные в своей морфологической форме (Серебренников, Гаджиева, 1986: 246). Зачастую наречиями становились вследствие лексикализации различные падежные в прошлом словоформы, деепричастия, словоформы собирательных числительных. Одним из способов, находящихся в резервуаре путей образования тюркских наречий, является способ удвоения различных в отношении частеречного значения слов, как, например, в турецком языке *sık sık* ‘часто’, *küçük küçük* ‘понемногу’, *zaman zaman* ‘время от времени, иногда’.

Тем не менее, несмотря на разнотипность в морфологическом отношении, весьма перспективным в тюркологии усматривается тенденция по выделению категории наречий на семантическом основании. В качестве критерия объединения лексем в эту категорию признается прежде всего значение обстоятельственности, лежащее в основе лексического значения каждого наречия (Гузев, 1987: 47).

Наречия разделяются на два подкласса: качественные (определительные) наречия и обстоятельственные наречия.

Группу определительных наречий, в свою очередь, оправдано разделять на наречия, которые означают признаки действий, и наречия, которые означают признаки других признаков и обстоятельств (Гузев, 1987: 52).

Обстоятельственные наречия

Наречия со значением места совершения действия:

Bäriyâ(1) Tabgaç öñrä(2) Kytañyğ jyraja(3) Oguzug üküſ ök ölürti (Tk, 7). ‘Он много поразил на юге(1) табгачей, на востоке(2) – киданей, на севере(3) – огузов’.

Наречия со значением времени совершения действия:

...tün udysykym kälmädi күntüz olursykym kälmädi (Tk, 12). ‘...ночью не приходил мой сон, днем я не имел покоя’.

Качественные наречия

Наречия со значением признака действий:

Anta ötrü Oguz koryn kälti (Tk, 16). ‘Затем огузы пришли всем скопом (все вместе)’.
Kapyn kodup Tabgačka jana içikdi (Tk, 2). ‘Лишившись хана (кагана), снова подчинился Табгачам’.

Наречия со значением признака признака:

... üküſ ök ölürti (Tk, 7). ‘...очень много убил’.

Интересно отметить тот факт, что слово **üküs** способно обозначать как признак действия, другого признака, так и признак предмета:

Bilig bilmz kisi ol sabyg alyp jagru baryp üküs kişi öltig (Ktm, 7). ‘Незнающие люди, услышав эти слова, подошли ближе, много людей умерло’.

Süçig sabyuḡa jymşak agysyḡa arturyḡ üküs türk budun öltig (Ktm, 6). ‘Дав себя прельстить их сладкими речами, роскошными драгоценностями, большое количество тюркского народа погибло’.

Очевидно, такое же положение занимает в системе современного турецкого языка лексема *çok*, значение которой содержит образ признака, способного относиться к любому явлению действительности: предмету, другому признаку, действию. Таким образом, исходя из того, что язык – это естественная система с коммуникативной функцией в качестве ведущей, его организация едва ли обязана быть стройной, симметричной и логически непротиворечивой. И нет ничего удивительного, что в такой системе одна и та же единица может входить, по крайней мере, в два класса: прилагательных и наречий.

Словообразование наречий. В языке ДТРП весьма распространен морфологический способ образования наречий. В этом случае новая лексема (наречие) образуется путем присоединения к исходной основе чаще всего имени существительного определенного словообразовательного аффикса. В текстах в качестве таких морфологических средств выступают показатель *-ti*, показатель *-(u)n*.

Аффикс -ti

Tokuz oguz bägläri buduny bu sabymyn ädgüti äsid katygdy tyḡla (Ktm, 2). ‘Народ и беки токуз огузов, слушайте хорошо эти мои слова, крепко внимайте’.

Ädgüti ‘хороший’ (ДтС, 1969: 163)

Katygydy ‘твердый, крепкий’ (ДтС, 1969: 433)

Sabymyn tükäti äsidgil...(Ktm, 1). ‘Мои слова полностью выслушай(те)’.

Наречие *tükäti* является однокоренным с глаголом *tükä-* ‘завершаться, кончаться, иссякать’, с прилагательным *tükäl* ‘полный совершенный законченный’ (ДтС, 1969: 595). По мнению А.Н. Кононова, *tükäti* – это форма изолированного деепричастия от глагола *tükät-* ‘завершать, заканчивать’ (Кононов, 1980: 136). Тем не менее, форма *tükäti* могла образоваться по аналогии с имеющимся в языке способом лексемообразования.

Аффикс -un

В рунических текстах форма с показателем *-un* имеет широкий диапазон смыслов. Первоначально, т.е. в период, предшествовавший созданию надписей, и отчасти еще в синхронии языка ДТРП форма *-un* воспринималась в качестве падежной формы (Губайдуллина, 2003). Тем не менее, помимо регулярного использования этой формы как падежного средства выражения совместно-орудных отношений, отмечается также наличие у нее отчетливой тенденции к адвербиализации (Korkmaz, 1962: 20). Прослеживается некоторая последовательность функционирования формы с показателем *-un*, проявляющаяся в том, что при сочетании в высказывании с непереходным глаголом

движения эта форма очень часто выступает в качестве наречного образования или по терминологии В.В. Радлова как “наречный падеж”(Adverbial-Casus) (Radloff, 1897: 63). Это обстоятельство отразилось в том, что в большинстве современных тюркских языках формант -уп встречается у разного рода наречий как реликтовый компонент: тур. *uzun* ‘летом’ *kışın* ‘зимой’, к.-калп. *жазын* ‘летом’, *гузин* ‘осенью’, шор. *чајын* ‘летом’ *кунун* ‘днем’ якут. *кыһын* ‘зимой’, казах. *жасърын* ‘тайком’ (Серебренников, Гаджиева, 1986: 82). Однако это процесс, очевидно, обусловлен какой-то общезыковой закономерностью, так как А.А. Потебня на материале нетюркских языков доказал то, что целый ряд функций русского творительного падежа выделился из системы значений этого падежа и обособился в самостоятельные обстоятельственные лексемы: зимой, летом, вечером и т.д. (Потебня, 2024: 56).

По мнению автора настоящего сочинения, в эпоху рунических памятников произошло раздробление (разъединение) формы -уп как морфологического средства с некогда единым полифункциональным значением на разные обособившиеся друг от друга формы: форму сопроводительного падежа (по другой терминологии: инструментального падежа) и словообразовательной формы наречий.

В языке ДТРП форма -уп в качестве продуктивной словообразовательной модели используется для образования наречий со следующими обстоятельственными значениями:

1) обстоятельства времени совершения действия:

...**quşyn qytañ tapa sülädim** (Mh, Xa, 2). ‘...зимой я выступил с войском против киданей’.

...**jazyñ tataby tapa sü(lädim)**... (Mh, Xa, 2). ‘летом (я выступил) с войском против татабийцев’.

2) обстоятельства образа действия:

... **jir saju barmiş bodun ölü jitü jada^γyn jala^γyn jana kelti**. (Kt, 28). ‘... бродивший по землям народ, ослабевая и умирая, пешком и будучи босыми, снова пришел’.

Altun jysyg jolsyzyn asdym. (Tq, 35). ‘Я перевалил через Алтун йиш по бездорожью’.

Ärtis ügüzüg kächigsizin kächdimiz. (Tq, 35). ‘Мы переправились без брода через реку Иртыш (или: переправились рекой Иртыш)’.

3) обстоятельства меры:

Anta ötrü Oguz qopyn kälti. (Tq, 16). ‘После этого Огузы все вместе (скопом) пришли’.

Словоизменение. Форма с показателем -ki

... **bäriyäki budun, kyryjaky, jyrajaky, öñräki budun kalti** (Tk, 17). ‘Пришли народы, которые обитают на юге, на западе, на севере и на востоке’.

При более тщательном анализе рунических текстов становится понятным, что употребление формы -ki, согласно нормам той эпохи, могло быть необязательным. При сравнении некоторых высказываний обращает на себя внимание то, что иногда показатель присутствует в словоформе, а иногда нет:

1. **Apa tarkangaru içrä sab ydmys** (Tk, 34) ‘апа таркану послал секретные (внутри, внутренние) слова’.

2. ... anta iĉräki bodun kop maņa körür (Ktm, 2) ‘народы, находящиеся там, (букв. которые там внутри) все подчинялись мне’.

3. Tabgaĉ kaganuŋ iĉräki bädizĉig yty (Ktm, 12). ‘Он послал личного (внутреннего) художника кагана Табгачей’.

Объяснение этому факту, возможно, следует искать в более глубоких структурах, нежели, чем просто речевая норма. В качестве закона, регулирующего устройство любой подсистемы языка ДТРП, автор настоящей работы, вслед за Г.П. Мельниковым, признает принцип экономии служебных элементов.

В первом примере наречие iĉrä лишено показателя -ki, тем не менее его атрибутивная функция не вызывая сомнений, позволяет коммуниканту П посредством логической ассоциации понять это слово как ‘личные, тайные’. Во втором и в третьем примерах вследствие более сложного передаваемого мыслительного содержания слово iĉrä наделяется аффиксом ki, что, вероятно, служит более адекватному восприятию его семантики.

Лексико-грамматический класс числительных

Числительными в настоящей работе признаются такие лексемы, которые имеют значения конкретного количества.

Bir jilka biš joly süŋüşdimiz (Kt, 44). ‘За один год мы сразились пять раз’.

Jäti jüz kisig udyzygma ulugy šad ärti (Tk, 4-5). ‘Старший из них, который вел (за собой) семьсот человек, был шадом’.

Üĉ otuz balyk sydy (Tk, 19). ‘Они разрушили 23 города’.

Словоизменение. Порядковая форма имеет в текстах памятников следующие алломорфы: -(Y)nĉ, -inti. Значение этой формы дает сигнал о месте предмета по счету в предметном ряду (altı + nci «шестой», yedi + nci «седьмой», sekiz + inci «восьмой» и т.д.):

Jitinĉ ärig kylyĉlady (Kt, 45). ‘Седьмого воина он заколот мечом’.

...äkinti Kušlagakda ädiz birlä süŋüşdimiz (Kt, 45). ‘Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке’.

..üĉinĉ ... oguz birlä süŋüşdimiz (Kt, 46) ‘В третий раз мы сразились с огузами при ...’.

Törtinĉ ĉuš başynta süŋüşdimiz (Kt, 46). ‘В четвертый раз мы сразились при вершине [горы] Чуш’.

Bisinĉ äzgänti Kadazda oguz birlä süŋüşdimiz (Kt, 47) ‘В пятый раз мы сразились в огузами при Эзгенти Кадазе’.

Собирательные -agu

Tabgaĉ oguz, kytañ bu üĉägü kabysyr ...(Tk, 12) ‘... табгачи, огузы, кидани, эти втроем если соединяться...’

Üĉägü kabysyr sülälim ...(Tk, 21). ‘Давайте соберемся втроем и отправимся с войском’.

Результаты

1. Результаты исследования показали, что в древнетюркском языке развита система несубстантивных частей речи с морфологическими и деривационными единицами. Имена прилагательные в языке ДТРП активно образуются от существительных посредством формы с показателем *-lyg* и формы с показателем *-syz*. Форма с показателем *-ly* едва ли представляет собой производительную форму, так как в текстах памятников прилагательные с этим аффиксом встречаются несколько раз. Все отмеченные А.Н. Кононовым словообразовательные показатели, с помощью которых могли быть образованы прилагательные от глаголов, по результатам исследования представляют собой архаичные, реликтовые образования, которые едва ли были на момент создания рунических текстов продуктивными. На сегодняшний момент сложно сделать окончательный вывод о словоизменительном механизме имен прилагательных языка ДТРП, в силу отсутствия в имеющемся фактическом материале соответствующих примеров.

2. Наречия в языке памятников представлены довольно развитой системой лексем. В языке можно выделить как обстоятельные наречия, так и качественные, которые передают как признак действия, так и признак другого признака. В сферу словообразования наречий входят два продуктивных и производительных показателя: *-ti*, *-up*. Также встречаются наречные словоформы с аффиксом *-ki*, однако их морфологическая природа пока остается спорной.

3. При анализе числительных языка руники удалось выявить формы, с помощью которых образуются порядковые числительные и собирательные числительные, что свидетельствует о том, что на формальном уровне эта категория уже довольно хорошо развита в эпоху создания текстов.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в языке древнетюркских рунических памятников выделяются такие знаменательные несубстантивные части речи, как: имена прилагательные, наречия, имена числительные и местоимения. Местоимения, представляя собой чрезвычайно развитую и многочисленную категорию, в данной работе не подвергались исследованию. В ходе анализа можно заключить, что все рассмотренные группы лексем (части речи) имеют свою морфологическую или деривационную зону. Несмотря на небольшое количество зафиксированных форм, можно констатировать, что в этом первом письменном языке тюрков уже получает развитие и сфера словообразования, и сфера формообразования таких частей речи, как имена прилагательные, наречия, имена числительные.

Литература

Губайдуллина М.Э., 2003 О многофункциональности морфологических единиц (на примере формы –уп) как следствии особенности строя тюркских языков // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.И. Цинциус. (13-14 октября 2003 г.). Санкт-Петербург: Наука. С. 100-107.

Гузев В.Г., 1987. Очерки по теории тюркского словоизменения: Имя: На материале староанатолийско-тюркского языка. Ленинград. 144 с.

Дмитриев Н.К., 1960. Турецкий язык. Москва. 93 с.

Дубровина М.Э., Камалова Ш.Н., 2017. О понятии «синтаксическая модель» применительно к тюркским языкам (на материале языка древнетюркских рунических памятников) // Современные проблемы гуманитарных наук. Сборник научных трудов по итогам IV международной научно-практической конференции. Казань. С. 61-65.

Камалова Ш.Н., 2023. Модели косвенного дополнения в языке древнетюркских рунических памятников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 11. С. 3809-3815.

Кляшторный С.Г., 1971. Руническая надпись из Восточной Гоби // *Studia Turcica*. Budapest: Akadémiai Kiadó. С. 249-258.

Кляшторный С.Г., 2006. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. Санкт-Петербург. 591 с.

Кононов А.Н., 1980. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Ленинград. 255 с.

Кормушин И.В., 2020. Язык орхонских и других рунических памятников как древнетюркское литературное койне смешанного уйгуро-огузского характера // *Mongolica*. 2020. Т. 23. № 2. С. 26-29.

Мельников Г.П., 1969. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики // Народы Азии и Африки. М.: Издательство «Наука». № 6. С. 107.

Мельников Г.П., 2003. Системная типология языков. Москва. 395 с.

Потебня А.А., 2024. Из записок по русской грамматике. Составные члены предложения и их замены в 2-х ч. Часть 1. Москва. 292 с.

Севортян Э.В., 1966. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. Москва. 436 с.

Севортян Э.В., 1963. Из истории прилагательных в тюркских языках // Тюркологические исследования. Москва - Ленинград: Изд-во АН СССР. С. 58- 68.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З., 1986. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва. 302 с.

Щербак А.М., 1977. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Ленинград. 191 с.

Guzev V.G., Klyashtornyj S.G., 1995. The Turkic Runic script: Is the hypothesis of its indigenous origin no more viable? // *Rocznik Orientalistyczny*. Т. XLIX. Zeszyt 2. Warszawa. P. 83-92.

Korkmaz Z., 1962. Türkcede eklerin kullanılış şekilleri ve ek kalıplaşması olayları. Ankara. VIII + 98 с.

Radloff W., 1897. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Sankt-Petersburg. VII. 181 p. + 36 p.

Tekin T., 1988. Orhon yazıtları. Ankara. 200 s. + 23, 11, IV tabl.

Reference

Gubajdullina M.E., 2003 O mnogofunkcional'nosti morfoloicheskih edinic (na primere formy –yn) kak sledstviu osobennosti stroya tyurkskih yazykov [On the multifunctionality of morphological units

(using the example of the form -yn) as a consequence of the peculiarities of the structure of Turkic languages]. *Materialy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V.I. Cincius. (13-14 oktyabrya 2003g.)*. Saint-Petersburg: Nauka. P. 100-107. [in Russian].

Guzev V.G., 1987. *Ocherki po teorii tyurkskogo slovoizmeneniya: Imya: Na materiale staroanatolijsko-tyurkskogo yazyka* [Essays on the theory of Turkic inflection: Name: Based on the material of the Old Anatolian-Turkic language]. Leningrad. 144 p. [in Russian].

Dmitriev N.K., 1960. *Tureckij yazyk* [Turkish]. Moscow. 93 p. [in Russian].

Dubrovina M.E., Kamalova Sh.N., 2017. O ponyatii «sintaksicheskaya model'» primenitel'no k tyurkskim yazykam (na materiale yazyka drevnetyurkskih runicheskikh pamyatnikov). [On the concept of "syntactic model" in relation to Turkic languages (based on the language of ancient Turkic runic monuments)]. *Sovremennye problemy gumanitarnyh nauk. Sbornik nauchnyh trudov po itogam IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Kazan'. P. 61-65. [in Russian].

Kamalova Sh.N., 2023. *Modeli kosvennogo dopolneniya v yazyke drevnetyurkskih runicheskikh pamyatnikov*. [Models of indirect object in the language of ancient Turkic runic monuments]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 16. № 11. P. 3809-3815. [in Russian].

Klyashtornyj S.G., 1971. *Runicheskaya nadpis' iz Vostochnoj Gobi*. [Runic inscription from the Eastern Gobi]. *Studia Turcica*. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 249-258. [in Russian].

Klyashtornyj S.G., 2006. *Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Central'noj Azii*. [Monuments of ancient Turkic writing and ethnocultural history of Central Asia]. Saint-Petersburg. 591 p. [in Russian].

Kononov A.N., 1980. *Grammatika yazyka tyurkskih runicheskikh pamyatnikov VII-IX vv.* [Grammar of the language of Turkic runic monuments of the 7th-9th centuries]. Leningrad. 255 p. [in Russian].

Kormushin I.V., 2020. *Yazyk orhonskih i drugih runicheskikh pamyatnikov kak drevnetyurkskoe literaturnoe kojne smeshannogo ujuguro-oguzskogo haraktera*. [The language of Orkhon and other runic monuments as an ancient Turkic literary Koine of mixed Uighur-Oguz character]. *Mongolica*. 2020. T. 23. № 2. P. 26-29. [in Russian].

Mel'nikov G.P., 1969. *Sintaksicheskij stroj tyurkskih yazykov s pozicij sistemnoj lingvistiki*. [Syntactic structure of Turkic languages from the perspective of system linguistics]. *Narody Azii i Afriki*. Moscow: Izdatel'stvo Nauka. № 6. P. 104-113. [in Russian].

Mel'nikov G.P., 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov*. [Systemic typology of languages]. Moscow. 395 p. [in Russian].

Potebnya A.A., 2024. *Iz zapisok po russkoj grammatike. Sostavnye chleny predlozheniya i ih zameny v 2. Ch.* [From notes on Russian grammar. Components of a sentence and their replacements]. *Chast' 1*. Moscow. 292 p. [in Russian].

Sevortyan E.V., 1966. *Affiksy imennogo slovoobrazovaniya v azerbajdzhanskom yazyke. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya*. [Affixes of nominal word formation in the Azerbaijani language]. *Comparative research experience* Moscow. 436 p. [in Russian].

Sevortyan E.V., 1963. *Iz istorii prilagatel'nyh v tyurkskih yazykah* [From the history of adjectives in Turkic languages]. *Tyurkologicheskie issledovaniya*. Moscow - Leningrad: Izd-vo AN SSSR. P. 58- 68 [in Russian].

Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z., 1986. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov*. [Comparative-historical grammar of the Turkic languages]. *Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe*. Moscow. 302 p. [in Russian].

Shcherbak A.M., 1977. *Ocherki po sravnitel'noj morfologii tyurkskih yazykov. (Imya)*. [Essays on the comparative morphology of Turkic languages. (Name)]. Leningrad. 191 p. [in Russian].

Guzev V.G., Kljashtornyj S.G., 1995. The Turkic Runic script: Is the hypothesis of its indigenous origin no more viable? *Rocznik Orientalistyczny*. T. XLIX. Zeszyt 2. Warszawa. P. 83-92.

Korkmaz Z., 1962. Türkçede eklerin kullanılış şekilleri ve ek kalıplaşması olayları. Ankara. VIII + 98 p. [in Turkish].

Radloff W., 1897. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Saint-Petersburg. VII. 181 p. + 36 p.

Tekin T., 1988. Orhon yazıtları. Ankara. 200 p. + 23, 11, IV tabl. [in Turkish].

M. Dubrovina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

(E-mail: maggydu@rambler.ru).

Word formation and inflection of non-substantive lexico-grammatical classes in the ancient Turkic language

Abstract. In this article, the author turns to the material of the first written language of the Turks, namely the language of ancient Turkic runic inscriptions. The monuments date from the period between the 6th and 9th centuries and consist of texts carved on stone surfaces using specific runic signs. This language is of interest from a number of perspectives, but this study focuses on the morphology of parts of speech that are rarely discussed in specialized Turkic literature, namely adjectives, adverbs and numerals. A comprehensive examination of the language in question reveals that, despite its ancient origins, it has already developed a sophisticated system of word formation for non-substantive categories. Adjectives can be formed using a variety of forms, and adverbs have at least one word-formation form. The sphere of inflection (formation) also begins to emerge; in the language of this period, it primarily affects numerals, which possess both ordinal and collective forms. The author refers to the latter forms under inflection rather than word formation due to the fact that the newly formed numeral forms do not change their original lexical meaning, continuing to express specific quantities.

Keywords: runic texts, language of ancient Turkic runic manuscripts, morphology of Turkic languages, adjectives, adverbs, numerals, word formation, inflection.

М. Дубровина

Санкт-Петербург мемлекеттік университеті,

Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы

(E-mail: maggydu@rambler.ru).

Ежелгі түркі тіліндегі зат есім емес лексика-грамматикалық топтардың сөзжасамы мен сөз түрлендіруі

Аннотация. Ұсынылып отырған мақалада автор түркілердің алғашқы жазба тілі – ежелгі түркі руникалық жазбалар тіліне назар аударады. Бұл жазбалар VI-IX ғасырлар аралығында пайда болған және олар тастардың бетіне арнайы руникалық белгілермен қашалып жазылған мәтіндерден тұрады. Ғалымдар бұл тілдің қазіргі түркі тілдерінің ешқайсысына қатысы

жоқ екенін, алайда оғыз элементтері мен қыпшақ және қарлұқ топтарының кейбір маңызды элементтерін қамтитын әдеби тілдің (койне) аралас нұсқасы екенін дәлелдеді. Руникалық жазба тілі лингвистер үшін қай тұрғысынан алса да қызықты болғанымен, бұл зерттеудің көздеген нысаны – арнайы түркітану әдебиетінде жиі кездесе бермейтін есім, сын есімдер, үстеулер мен сан есімдердің морфологиясын зерттеу болмақ. Мұқият талдаудың нәтижесінде зерттеліп отырған тіл – ежелгі тіл екендігіне қарамастан, бұл тілде осы зат есім емес категориялардың сөзжасамдық формаларының жеткілікті дамыған жүйесі бар деген қорытындыға келуге болады: сын есімдер бірнеше форма арқылы жасалады, үстеулердің кемінде екі сөзжасамдық формасы бар деген сияқты. Сөз түрлендіру (формалар жасау) саласы да қалыптаса бастаған, бұл кезеңдегі тілде ол, ең алдымен, реттік және жинақтық формаға ие сан есімдерді қамтиды. Автор бұл соңғы формаларды сөзжасам емес, сөз өзгерту саласына жатқызады, себебі жаңа жасалған сан есім формалары бастапқы лексикалық мағынасын өзгертпей, нақты санды білдіруді жалғастырады.

Кілт сөздер: Руникалық мәтіндер, ежелгі түркі руникалық ескерткіштер тілі, түркі тілдерінің морфологиясы, сын есімдер, үстеулер, сан есімдер, сөзжасам, сөз түрлендіруі.

Сведения об авторе:

Дубровина Маргарита Эмильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 11, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>

Information about the author:

Dubrovina Margarita, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Turkic Philology, St. Petersburg State University, 11 Universitetskaya embankment, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>

Автор туралы мәлімет:

Дубровина Маргарита Эмильевна, филология ғылымдарының кандидаты, түркі филологиясы кафедрасы доценті, Санкт-Петербург мемлекеттік университеті, Университет жағалауы, 11, Санкт-Петербург, Ресей Федерациясы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7170-6217>